

МНЕНИЯ, ИДЕИ, РЕЦЕНЗИИ

О ЗНАЧЕНИИ ОДНОГО СЛОВА^{х)}

Vexillae regis produunt inferni
(Грядут царя исподние знамена)

Данте, Ад, песнь 34

Служи слово "дурак" действительно наименованием человека глупого, тупого и ни на что не способного, то почему произнесение его сопровождается нарочитым похахатыванием, было бы непонятно. Ведь несовершенство человеческой природы — повод скорее для скорби, чем для радости, и если о человеке, лишенном деятельного органа или страдающем постоянной болезнью, мы говорим, напуская на лицо сочувственную унылость — так почему же о недостатке ума — злорадно и смеясь? Это было бы, повторяю, непонятно, когда бы речь шла только о неполноценности. С другой стороны, нельзя сказать, чтобы хихиканье, сопутствующее диагнозу, служило выражением чистого удовлетворения — как по случаю победы в беге или на кулаках. Обнаруживаемые чувства, видимо, двусмысленны, говорят словно бы даже не о дефекте, а о неквалифицированной симуляции. Назвать кого-либо дураком в глаза — все равно что обидно упрекнуть в притворстве, в валянии дурака. Откуда следует, что наше словоупотребление основано на переносном смысле и что "дурак" обозначает не человека.

Кого же это слово обозначает?

Каков его собственный смысл?

Что за реальность соответствует термину?

Чтобы ответить на эти вопросы, сопоставим некоторые слова близкого значения, но лучше сохранившие генеалогические связи, такие как болван, чурбан, бревно и другие. Нас поразит полнейшее единообразие материалов. Во всех случаях это древесина. Однако не древесность же вызывает насмешки? Нет, тут дело в претензии, которая при внешнем намеке на возможность не способна осуществиться. Форма, в которую облечен материал, служит иллюзиям, а сам материал — их развеивает. Предмет статьи своей изображает творческое начало, сутью же бездейтелен и туп. Такими признаками обладает один-единственный предмет, который и есть, собственно говоря, дурак.

^{х)} Печатается в сокращении.

Не следует думать, что здесь скрывается метафора или синекдоха. Дурака прежде видели в любом огороде. И не только видели — его самым непосредственным образом валяли по грядкам из соображений, относящихся к магии плодородия, валяли с визгом, хохотом, всем обществом, вступая по ходу дела в профанированные отношения между собой и с явлениями окружающего мира, пьяные и сквернословя. Это вакханствование должно было, по замыслу, сообщать огородным растениям дополнительную мощь и кормящие соки.

Итак, дурак представляет собой намеренно воздвигнутый столб с несколько расширенной и округлой верхней частью, напоминающей лысую человеческую голову. Примитивная скульптура совершенствуется. На голове возникают черты лица. Приапический идол может поэтому осознаваться не только как покровитель плодородия вообще, но и как предок владельцев огорода, в частности. По очевидной ассоциации идей, приобретая глаза, рот, даже бороду, он не теряет лысины, своего прародительского знаменья. Исходный нерасчлененный образ теперь состоит при нем как устремленный ввысь атрибут.

В описанном здесь единении понятий "дурак" и "предок" видна та всемогущая предбытийная илупость, та глумливая непосредственность, та оживленная визгливая бессмыслица, которая связана с произведением на свет себе подобных. Потомство не зря зовет предка старым лысым дураком — именно таким стоит он перед глазами наследников.

В трактате "Берахот" рассказывается о некоем Седекии, имевшем обыкновение носить на плечах по пятишам в синагогу двух своих сыновей — Рабдака и Манассию. Однажды, когда он их нес вот так в синагогу, Рабдак сказал:

- На лысине отца хорошо колоть орехи.
- Жарить рыбу, — возразил Манассия.

Этот старинный анекдот прекрасен. Все вещи названы своими именами. Пусть комментаторы потом морализуют, намекая, будто Седекия был наказан непочтительными детьми за то самое непочтение, которое он питал к Господу Богу, их версии не могут ничего изменить в суровой достоверности и жестокой естественности рассказа.

Логика отношений здесь первобытно проста. Для того, чтобы стать предком, отриц личности, нужно, самому забыв о собственной персоне, смело пустить в дело то общее, что есть у нас, независи-

мо от расы и вероисповедания, выступить в единообразящей всех наготы и полнейшей, можно сказать, лысой обезличенности.

— Человеческая воля сильнее, нежели интеллект, — говорит Спиноза. Но чтобы нечто утратить — хотя бы и столь забавным способом, — нужно сперва им обладать. Тем объясняется известный расцвет индивидуальных дарований у юношей. Увы, бедная молодежь! Если бы она могла знать, что ждет ее впереди. За своим светлым и радостным мифом о смене поколений не различим для нее тошнотворный образ непрерывно вращающегося идиотства. И претенциозная выходка Хама, который хотел решить проблему отцов и детей в свою пользу, свидетельствует только о непонимании данного деликатного обстоятельства. Неспособность понять это когда-либо в будущем легла проклятием на голову его навек ослабившегося потомства.

Однако требования нравственного закона об уважении к старшим сами по себе могут набросить лишь легкую и прозрачную вуаль на эту выпирающую непристойность. Гораздо эффективнее присоединить сюда еще заповедь, которая возбраняла бы и кумиротворчество, хотя вообще стремление к каким бы то ни было способом объективировать несоответствие между манящим таинством цели, пылким творчеством при ее достижении и достойной смеха обыденностью итога можно было бы даже оправдать. Но люди не могут ограничиваться только водружением кумира, они стараются непременно выдать своего дурака за нечто существенное, возвышенное, важное. Символ утраты личной природы становится объектом поклонения для коллектива. Все перечисленные ранее неприятные странности оказываются в метафизической плоскости: неподвижность оборачивается величию, ничтожность — постоянством, бессмысленность — могуществом. Так возникает культ. Утраченные человеком временные дары приписываются истукану навеки — и наше относительное знание становится у него всеведением, что можно обнаружить хотя бы в басне Крылова "Оракул".

События, изложенные в этом поучительном произведении, достаточно хорошо известны, и их можно не пересказывать в подробностях. Кратко же они таковы. В некотором городе или селении имелся предвещающий кумир, действовавший в высшей степени удачно. Внезапно качество пророчеств ухудшилось.

Далее влагая в свои уста перо гениального баснописца:

А дело было в том,
Что идол был пустой,
И саживались в нем
Жрецы вещать мирянам.
Доколь сидел там умный жрец,
Кумир не путал врак,
А как засел в него дурак,
Так идол стал болван-болваном.

Замечателен набор синонимов в последних строках. Одушевленный дурак внутри безлиженного болвана — поистине наиболее монументальный образ во всей мировой литературе. Здесь достигнуто то единство формы и содержания, о котором потом мечтали десять поколений литературных критиков.

Понятен становится пафос ветхих пророков по отношению к таким конструкциям. Эти одухотворенные личности приходили в крайнее омерзение, видя, как племена и колена соединяются полным составом ради пустопорожней глупости и свального греха. И нас не должно теперь удивлять, что Илья в раздражении собственноручно заколол однажды 350 пророков, Вааловых и — как добавляет перевод 70-ти — 100 пророков дубравных. Добавка важна. Илья был человек проницательный — настоящий пророк! Экзекуцию он не ограничил прагматиками, безобразно выплясывавшими перед своими Ваалами, но прихватил, сколько мог, и дубравных лицемеров, которые творили, в сущности, то же, но поворачивали дело так, будто поклоняются не идолам, а непосредственно силам природы. Илья очень хорошо понимал, что это за такие силы, и справедливо не различал в лесных забавах тех пантеистов ничего, кроме одного непотребства.

Здесь можно добавить несколько слов об Иванушке-Дурачке, приключения которого представляют собой параллель гностическому "роману души". Что это за персонаж, — понятно из вышеизложенного. Смущение вызывает только имя — библейское Иоханаан — узурпированное языческим Ванькой-Встанькой. Проблема в таком виде неразрешима, а значит — неверны посылки. И если вторую из них — что дурак есть понятие и предмет, принадлежащие миросозерцанию производительной сферы в качестве сокровенного гнома идолопоклоннических зачатий — несомненно следует принять, то первая — о христианском происхождении имени Ваня — должна быть упразднена как заблуждение. Под пристойным передником имеющего европейских кузенов в виде различных Гансов, Янов, Джонов и Жанов Иоанна-Ивана сидит все тот же древний, как плоть, разухабистый наездник, на своем подозрительном Горбушке, летающий в нижние печи Бабы-

Яги и выскакивающий из трубы зловонным Перуном-Громовержцем "и бессмертных и смертных папашей", согласно Гомеру. Ваня намного старше и Владимира Красное Солнышко и самого Иоанна Крестителя. Ваня уже был в те времена, когда древляне, как сказано, дурака валяли и сидели по пуп во мху игра. Игра помнута не зря. На финских языках игры имя Вене или Вейне значит старый, древний, то есть предок, то же что и дурак в сакральном смысле. Ваня, значит, и есть дурак, а Иванушка-Дурачок - тавтология. Загадка разрешена, и как это бывает при обнаружении истины - с ней ворох других загадок. Поскольку сам Ваня древнее Библии - стадиально во всяком случае, - постольку его естественная пара Маня заведомо старше Девы Марии. На тех же финских языках имя Мене или Мейне значит древняя. Так что героя Вейнемейнена следует представлять себе архаическим андрогинном, чудовищем, сексуально нерасчлененным вселенским Адамом Кадмоном. Имя его - Старый и Древняя - вводит нас в круг воззрений, связанных с предсуществованием миру космической пары прародителей - именно не двух, а нераздельной пары, - предвечных Деда и Бабы. И зачин сказки: "Жили-были Дед да Баба" нужно понимать как утверждение бытия в неопределенно-временном состоянии монолитной, постоянно совокупляющейся двоицы, Урана и Геи наших широт. Особенно хорошо это видно, когда зачин произносится в форме: "Жили-были Старик со Старухой". Предлог "со" крайне уместен для выражения всех этих пикантных идей.

Кстати сказать, такая концепция позволяет разъяснить непонятное иначе место у Гесиода, где говорится о том, что порождение Неба и Земли никак не могли покинуть материнское лоно вследствие деспотического произвола отца. Теперь оказывается, что дурное обращение с неродившимся потомством было выражением не ^{вне}капризов или старческих прихотей - но бессмысленно деятельной временной мощи, когда еще не отделена смерть от зачатия, вдох от выдоха. Так что кошунственная мелиорация, произведенная Сатурном, была вполне естественным способом пробить хоть малую светлую дыру в преисподней родительского кипения. Находясь внутри лона, сын этим лишен был возможности изобрести другой. Его простор был мал, пространства не было, оно возникло, когда отпрянул ввысь воющий от боли и ужаса Уран, оставляя в новом море белопенную волну любви - ~~е~~ уже бессильной. И ныне пауком перебирающийся по

окраине неба в серповидном венце Сатурн напоминает о том, какого рода блудящая живость послужила явлению на свет Афродиты и всего, что связано с ее замечательным культом. Однако не один Сатурн исправляет подобную мемориальную надобность. Этой же цели служит любая скульптура. Пусть говорят что угодно леди, сведущие в искусстве, рационалисты и искусствоведы. Мы должны отчетливо сознавать, что изготовление человекообразной фигуры (да и вообще любой фигуры) есть по большей части попытка предъявить миру того самого дурака, которого нам в нашем цивилизованном лицемерии следовало бы прятать подальше.